

Холли Мейн

На школьной
крыше

Холли Мейн

На школьной крыше

<https://litres.ru/74269738>

SelfPub; 2026

Аннотация

Александра Соколова — круглая отличница, живущая под давлением маминых амбиций и страха перед ЕГЭ. Антон Власов — капитан школьной сборной и бунтарь, скрывающий за сарказмом боль от деспотичного отца. Их многолетняя школьная вражда неожиданно меняется, когда в качестве наказания их заставляют вести совместный медиа-проект.

Случайная ночь на школьной крыше срывает с них маски: оказывается, они оба до паники боятся будущего и чужих ожиданий. Поддерживая друг друга, Саша и Антон проходят через экзамены, семейные бунты, белые ночи Петербурга и осознание своих истинных мечт.

Это трогательная история о первой любви, преодолении страхов и свободе сделать собственный выбор.

Содержание

Глава 1. Линейка.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Холли Мейн

На школьной крыше

Глава 1. Линейка.

Будильник прозвенел ровно в шесть утра, разрезав предрассветную тишину спальни резким, бескомпромиссным звуком. Саша Соколова не открыла глаза мгновенно. Она позволила себе ровно три секунды — три крошечных мгновения, чтобы досмотреть обрывок теплого летнего сна, прежде чем реальность одиннадцатого класса обрушилась на нее бетонной плитой. Она выключила звонок на смартфоне, откинула легкое одеяло и села на краю кровати, опуская босые ноги на прохладный ламинат. Первое сентября. День, который она одновременно ждала и ненавидела. Ждала, потому что это была финишная прямая. Ненавидела, потому что эта прямая обещала быть усыпанной битым стеклом пробных экзаменов, нервных срывов одноклассников и бесконечного давления со стороны учителей. Саша подошла к окну и отдернула плотные шторы. Город еще только просыпался. Сентябрь в этом году выдался аномально жарким, словно август забыл перевернуть страницу календаря. Небо над крышами высоток было окрашено в нежный, персиково-розовый цвет,

не предвещающий ни капли осенней прохлады. Асфальт внизу уже казался сухим и нагретым, хотя солнце едва показалось из-за горизонта. Саша приоткрыла створку окна, выпуская в комнату свежий утренний воздух, в котором, несмотря на жару, уже неуловимо пахло увядающей листвой и бензином просыпающегося мегаполиса. Ее форма была приготовлена еще с вечера. Идеально выглаженная белая блузка с жестким воротничком, который всегда немного натирал шею, заставляя держать спину идеально ровно. Темно-синяя юбка-карандаш, строгий пиджак, который сегодня явно будет лишним из-за погоды. Саша подошла к зеркалу. Из отражения на нее смотрела собранная, серьезная девушка с темными, как крепкий кофе, глазами и упрямой линией подбородка. Волосы, послушные и гладкие, она привычным движением собрала в тугий конский хвост. Никаких выбивающихся прядей. Никакой небрежности. Внешний вид — это броня. А в этом году броня должна была быть непробиваемой. Она спустилась на кухню. Квартира была погружена в тишину — родители работали в архитектурном бюро и часто засиживались допоздна, поэтому по утрам Саша предпочитала собираться сама, не тревожа их сон. Она сварила себе черный кофе без сахара, горький вкус которого мгновенно прояснил мысли, и съела половину яблока. Желудок сводило от легкого, зудящего волнения. Это был не страх, а скорее мандраж перед важным забегом. Вернувшись в комнату, она открыла верхний

ящик стола и достала свой ежедневник. Толстая тетрадь в кожаном переплете была ее библией. Внутри все было расчерчено по цветам, колонкам и датам. Красным выделены сроки сдачи проектных работ, синим — дни консультаций по профильной математике, зеленым — дедлайны по олимпиадам, которые давали льготы при поступлении. Цель была одна, яркая и бескомпромиссная: золотая медаль и бюджетное место на факультете журналистики Высшей школы экономики. Никаких платных отделений. Никакой зависимости от родительского кошелька. Она должна доказать всем, и прежде всего самой себе, что способна взять эту высоту исключительно собственным интеллектом и упорством. В семь тридцать Саша вышла из подъезда. Солнце уже начало припекать, обещая, что к полудню школьный двор превратится в настоящую духовку. До гимназии было пятнадцать минут пешком через старый район с его тенистыми аллеями и облупившимися фасадами сталинок. Она надела наушники, включила ритмичный инди-рок, чтобы настроиться на нужный лад, и пошла, чеканя шаг. По мере приближения к массивным чугунным воротам гимназии 14 толпа подростков с рюкзаками и цветами становилась все плотнее. Воздух наполнился гулом голосов, смехом, визгами встретившихся после долгого лета подруг. Запах дешевого парфюма смешивался с ароматом астр и хризантем. Саша сняла наушники и скользнула в этот муравейник, приветливо, но сдержанно кивая знакомым

лицам. Школьный двор уже был расчерчен мелом — каждому классу свое место для торжественной линейки. 11 «А» традиционно стоял ближе всех к импровизированной сцене, на правах самых старших. Саша нашла глазами свою лучшую подругу, Дашу Смирнову. Даша, как всегда, выглядела так, словно только что сошла со страниц подросткового журнала: легкий макияж, распущенные светлые волосы, укороченный пиджак и улыбка до ушей. — Сашка! — Даша бросилась ей на шею, едва не сбив с ног букетом пышных гладиолусов. — Боже, как я соскучилась! Ты выглядишь так, будто готова прямо сейчас пойти и сдать ЕГЭ на сто баллов. — Если бы мне дали КИМы прямо сейчас, я бы так и сделала, чтобы не мучиться весь год, — усмехнулась Саша, поправляя смятый подругой воротник блузки. — Как твоё лето? Как поездка на море? Даша начала тараторить о курортных романах, вечерних дискотеках и экскурсиях, а Саша слушала ее вполуха, сканируя взглядом собирающийся класс. Почти все были на месте. Коля Смирнов вытянулся за лето сантиметров на десять. Лена Кузнецова покрасила волосы в радикально рыжий цвет. Антон Макаров, главный школьный шутник, уже что-то живо обсуждал с парнями, размахивая руками. Ровно в восемь тридцать из колонок, выставленных на крыльцо, грянули бравурные аккорды старой школьной песни, от которой у Саши с первого класса сводило скулы. Линейка началась. Вышел директор, грузный мужчина с

блестящей лысиной, и начал свою ежегодную, заученную наизусть речь о «корабле знаний», «бурном море науки» и «важности предстоящего года для выпускников». Саша стояла ровно, сложив руки в замок перед собой, и смотрела поверх головы директора, мысленно повторяя формулы по тригонометрии, чтобы не терять время зря. Солнце палило нещадно. Кто-то из первоклассников в толпе начал плакать от духоты. Саша чувствовала, как под плотной тканью юбки собирается испарина, но даже не шелохнулась. Выдержка — это главное. Спустя бесконечные сорок минут прозвучал первый звонок — маленькая перепуганная первоклашка с огромными белыми бантами, сидя на плече у одиннадцатиклассника из параллели, яростно трясла медным колокольчиком. Линейка была окончена. Толпа, облегченно выдохнув, нестройными рядами потекла внутрь здания. Внутри пахло свежей масляной краской и воском для паркета. Родные, до боли знакомые запахи. Саша поднималась по широкой парадной лестнице на второй этаж, чувствуя, как с каждой ступенькой на ее плечи ложится психологический груз ответственности. Это был ее кабинет. Ее последний год. Здесь не было места ошибкам. Она вошла в просторный, залитый солнцем кабинет истории, где базировался их 11 «А», одной из первых. Бросила взгляд на ряды парт. Ее цель была ясна — последний ряд, парта у огромного арочного окна. Она сидела там с девятого класса, это было ее стратегическое укрытие. Оттуда было

видно весь класс, доску, но при этом учительский взгляд часто пролетал мимо, позволяя незаметно делать домашнее задание по другим предметам или читать дополнительную литературу. Кроме того, там был лучший дневной свет для ее глаз. Саша подошла к парте, положила свой тяжелый рюкзак на стул у окна и достала бутылку с водой. Класс постепенно заполнялся. Стоял невероятный гвалт. Классный руководитель, историк Михаил Сергеевич, стоял у доски и пытался перекричать учеников, призывая всех рассаживаться, чтобы начать классный час. Саша присела на краешек своего стула, наслаждаясь легким сквозняком из приоткрытой форточки, и прикрыла глаза, наслаждаясь относительным покоем перед бурей. Покой продлился ровно две минуты. Двери кабинета распахнулись с таким грохотом, что ручка ударилась о стену, оставив на свежей штукатурке небольшую вмятину. Разговоры в классе стихли на долю секунды, а затем взорвались с новой силой. На пороге стоял Илья Романов. Саша открыла глаза и тяжело вздохнула. Если бы у ее идеального плана на одиннадцатый класс было материальное воплощение угрозы, оно выглядело бы именно так. Романов отсутствовал на линейке — типичное для него поведение. Он только вчера поздно вечером вернулся с длительных летних спортивных сборов на юге. Выглядел он так, словно не в школу пришел, а на кастинг сериала для подростков. Его русые волосы, выгоревшие на солнце до пшеничного оттенка, были

слегка влажными и вились на концах, непокорно спадая на глаза. О школьной форме он, видимо, имел весьма смутное представление: темно-синяя спортивная куртка с белыми лампасами на рукавах и логотипом Федерации плавания России на груди была небрежно, словно в спешке, наброшена поверх расстегнутой на три верхние пуговицы белой рубашки. Воротник рубашки был приподнят, галстук отсутствовал как класс. На его губах играла та самая фирменная, до зубовного скрежета ленивая и самоуверенная ухмылка человека, который точно знает, что ему рады. И ему действительно были рады. Девчонки на первых партах синхронно зашептались, заулыбались, поправляя волосы. Парни с камчатки, задних рядов у стены, повскакивали со своих мест, протягивая руки для приветствия.— Здарова, чемпион! — крикнул Макаров, хлопая Илью по плечу.— Как вода на сборах? Медали привез? — посыпались вопросы со всех сторон.Илья небрежно пожимал руки, раздавал короткие приветствия, продвигаясь вглубь класса. От него волной расходился запах дорогого спортивного геля для душа, неуловимый, но въевшийся аромат хлорки из бассейна и какой-то сумасшедшей, бьющей через край мужской уверенности. Саша сжала губы в тонкую линию. Ее отношения с Ильей Романовым были сложными. Если точнее — они искренне, глубоко и взаимно не переносили друг друга еще со второго класса. Все началось с того, что Илья на перемене случайно разбил ее идеальный,

строившийся две недели проект из лего, а в ответ Саша перед всем классом высмеяла его неумение читать по слогам. С тех пор они существовали в состоянии холодной войны, которая периодически перерастала в локальные стычки. Он был для нее символом всего поверхностного, несерьезного и безответственного. Кандидат в мастера спорта по плаванию, любимец учителей (которые прощали ему пропуски за медали на городских соревнованиях), магнит для девчонок. Она же была для него «душной заучкой», «калькулятором в юбке» и главным раздражителем. Саша наблюдала, как он медленно идет по проходу между партами. Обычно его местом была та самая «камчатка» — последний ряд у глухой стены, где можно было спокойно спать с открытыми глазами, пока она на соседнем ряду у окна конспектировала лекции. Она ждала, что он повернет туда. Но он не повернул. Илья целенаправленно прошел мимо своих друзей, подошел к ряду у окна и остановился прямо перед партой Саши. Он посмотрел на нее сверху вниз своими льдисто-светлыми, почти прозрачными на фоне густого южного загара глазами. Его ухмылка стала чуть шире. Затем он медленно, театрально снял со своего плеча массивный, тяжелый спортивный рюкзак и с глухим стуком бросил его прямо на соседний стул. Стул, который стоял за партой Саши. Рядом с ее рюкзаком. Саша замерла. В классе на мгновение повисла тишина, потому что все прекрасно знали, что ряд у окна — это территория Соколовой,

а парта — ее личный бункер, куда посторонним вход воспрещен. Особенно Романову. Она медленно поднялась со стула, выпрямилась во весь свой не очень высокий рост, стараясь компенсировать разницу прямой спиной и убийственным взглядом. — Романов, — произнесла она ледяным тоном, от которого у слабонервных пошли бы мурашки по коже. Она скрестила руки на груди, словно закрываясь щитом. — Ты, очевидно, перегрелся на южном солнце и потерял ориентацию в пространстве. Твой ареал обитания находится вон там. Камчатка у стены всегда была твоей вотчиной. Забери свои вещи и освободи место. Илья даже не шелохнулся. Он достал из кармана куртки жестяную банку энергетического напитка, щелкнул ключом, с шипением выпуская газы, и поставил ее прямо на парту, в десяти сантиметрах от идеальной стопки Сашиных тетрадей. Банка была влажной от конденсата, и на полированном дереве парты сразу начал образовываться мокрый кружок. — Соколова, новый учебный год — новые правила, — лениво протянул он, опираясь обеими руками о парту и чуть наклоняясь к ней. Запах его парфюма стал сильнее. — Мой спортивный врач, очень умный человек, кстати, сказал, что мне жизненно необходим дневной свет. Для выработки витамина D. Солнца в Питере мало, а без него у меня падают спортивные показатели. Иначе я зачахну, впаду в депрессию и не дотяну до осенних отборочных соревнований. А наша любимая гимназия ведь не хочет потерять свою главную

спортивную надежду и упустить кубок мэра из-за того, что ты зажала место у окошка? Саша посмотрела на мокрый след от банки на парте, потом на его ухмыляющееся лицо. Гнев внутри начал закипать, угрожая вырваться наружу, но она не собиралась устраивать истерику на радость публике. — Для выработки витамина D, Романов, тебе нужно было меньше спать на лежаке на пляже в Анапе и больше читать учебник по биологии за восьмой класс, раздел анатомии, — парировала Саша, ее голос звенел от напряжения. Она протянула руку, ухватила его тяжелый рюкзак за лямку и резким, сильным движением сбросила его со стула в проход. Рюкзак тяжело шлепнулся на пол. Жестяная банка с энергетиком от резкого движения угрожающе покачнулась на краю парты, но чудом не упала. — Это мое место. И, к слову, чтобы ты не слишком расслаблялся: в этом месяце ты дежуришь по классу самым первым. График уже висит на информационной доске. Тряпка, мел и ведро с ледяной водой с нетерпением ждут своего героя, чтобы отмыть эту доску после твоих тренировок. В классе кто-то тихо присвистнул. Даша Смирнова с соседнего ряда смотрела на них с открытым ртом, предвкушая полномасштабную драму. Илья медленно опустил взгляд на свой сброшенный рюкзак, затем снова посмотрел на Сашу. Ухмылка с его лица исчезла, уступив место какому-то новому, непонятному выражению. В его глазах мелькнула искра азарта. Он не стал кричать. Не стал отталкивать ее. Он сделал

глубокий вдох, наклонился, поднял свой рюкзак с пола, тщательно отряхнул его от невидимой пыли и... снова повесил его на спинку стула.— Какая же ты все-таки невыносимо, фантастически душная, Соколова, — произнес он негромко, но так, что слышали все вокруг. Театрально вздохнув с деланной, преувеличенной обреченностью, он придвинул стул вплотную к парте. — Но я люблю вызовы. Ладно, так и быть. Уговорила. Посижу этот год с главной отличницей гимназии, потерплю твой диктаторский режим. Вдруг твой выдающийся интеллект, умение зубрить и маниакальная тяга к идеальным конспектам передаются воздушно-капельным путем? Я готов рискнуть своим ментальным здоровьем ради науки. С этими словами он с шумным выдохом опустился на стул, вальяжно откинулся на спинку и вытянул свои длинные ноги в узкий проход под партой, случайно (или не очень) задев Сашину туфлю. Саша стояла, чувствуя, как у нее от возмущения перехватывает дыхание. Она сжала челюсти так сильно, что у нее заболели скулы. Она могла бы позвать классного руководителя. Могла бы устроить скандал. Но привлечь внимание учителей в первый же день к своим детским разборкам было ниже ее достоинства. Она молча, с ледяным спокойствием отодвинула свой стул на максимальное расстояние от него, едва не прижавшись плечом к холодному стеклу оконной рамы, и села. Она открыла пенал, достала черную гелевую ручку и открыла чистую тетрадь, всем

своим видом показывая, что Романов для нее — пустое место.— Михаил Сергеевич, — громко, перекрывая шум класса, сказала Саша, глядя на учителя. — Мы можем уже начать классный час? У нас впереди слишком много работы, чтобы тратить время на пустые разговоры. Учитель, обрадовавшись инициативе, тут же начал призывать всех к порядку. Саша смотрела на чистый лист бумаги. Боковым зрением она видела профиль Ильи, его небрежную позу и банку энергетика, которая продолжала портить парту мокрым следом. Одиннадцатый класс обещал быть не просто сложным, а невыносимо, мучительно долгим. И первый, самый важный пункт ее идеального плана — сохранить абсолютное спокойствие и концентрацию — только что дал огромную, непоправимую трещину прямо на стартовой линии. Классный час, который по логике вещей должен был стать легким, почти праздничным введением в новый учебный ритм, под монотонный баритон историка Михаила Сергеевича стремительно превращался в изошренную психологическую пытку. Он расхаживал перед доской, заложив руки за спину, и вещал о колоссальной важности грядущего Единого Государственного Экзамена. О том, что «одиннадцатый класс — это категорически не время для легкомысленных развлечений и юношеских глупостей», а важнейший этап для закладки фундамента всей будущей жизни, карьеры и социального статуса. Саша Соколова сидела на своем излюбленном месте у окна

с идеально прямой спиной, аккуратно записывая в свой толстый ежедневник даты предстоящих срезов, пробников и дополнительных консультаций. Ее почерк был мелким, убористым и идеально ровным, без единой помарки. Каждое слово учителя ложилось на ее плечи дополнительным невидимым кирпичом ответственности, но она не позволяла себе сгорбиться. Она знала правила этой игры: хочешь выжить — будь лучшей. Справа от нее, бесстыдно нарушая ее личные границы, вальяжно раскинувшись на скрипучем стуле, сидел Илья Романов. Он не удосужился достать из рюкзака ни ручку, ни тетрадь, ни даже завалящего карандаша. Его единственным занятием в течение последних двадцати минут было методичное, невыносимо раздражающее постукивание длинными пальцами по пустой жестяной банке из-под энергетика. Тук-тук. Тук-тук-тук. Этот звук вгрызался Саше прямо в мозговой ствол. — Романов, — едва слышно, практически не разжимая губ, процедила Саша, сверля взглядом меловую доску. — Если ты немедленно не прекратишь выбивать этот адский первобытный ритм, я клянусь всем святым, я вылью остатки этой химической дряни тебе на голову, и мне будет абсолютно плевать на последствия. Постукивание мгновенно прекратилось. Илья медленно повернул к ней голову. Саша чувствовала на своей щеке его цепкий, изучающий взгляд, но упорно продолжала смотреть прямо перед собой. — Какая агрессия в первый же учебный день, Соколова, —

бархатисто, с наигранным удивлением прошептал он, чуть наклонившись в ее сторону. — А как же образ идеальной, уравновешенной девочки, гордости гимназии? Что подумает Михаил Сергеевич, если услышит твои жестокие угрозы в адрес капитана сборной?— Михаил Сергеевич подумает, что я сделала одолжение генофонду человечества, — отрезала она, делая еще одну аккуратную запись синей ручкой. — Просто сиди тихо и не отсвечивай. Считай, что ты находишься в режиме энергосбережения перед своими великими тренировками. Илья тихо, почти беззвучно рассмеялся. Звук его смеха был низким, вибрирующим и неожиданно приятным, что разозлило Сашу еще сильнее. Он убрал руку от банки, но вместо того, чтобы отодвинуться, положил локоть прямо на невидимую границу между их половинами парты, вторгнувшись в ее тщательно оберегаемое пространство. От него исходило тепло, и этот легкий аромат цитрусового парфюма смешивался с запахом старой школьной мебели. Прозвенел звонок. Первый урок подошел к концу. Михаил Сергеевич отпустил их с напутствием «взяться за ум с первого же дня», и класс с радостным гулом начал собирать вещи. Следующим уроком по расписанию стояла Литература. Мария Ивановна, преподаватель литературы, была женщиной старой закалки, искренне влюбленной в свой предмет и требующей от учеников такой же безусловной самоотдачи. Она не признавала кратких содержания и хрестоматий.— Ну что ж,

одиннадцатый «А», — начала она, оглядывая класс поверх очков в тонкой золотой оправе.— Надеюсь, за лето вы не забыли, как пахнут бумажные книги. Мы начинаем год с тяжелой артиллерии. Иван Бунин. Философия любви, неизбежность расставания и фатализм. Кто готов поделиться своими мыслями о прочитанном за лето цикле «Темные аллеи»? В классе повисла гробовая тишина. Большинство учеников старательно отводили взгляды, кто-то внезапно заинтересовался своими шнурками, кто-то начал усиленно искать что-то на дне рюкзака. Летний список чтения для 90% класса был лишь мифом. Саша Соколова, как всегда, спокойно и уверенно подняла руку. Это был ее предмет. Ее территория.— Да, Александра, прошу, — с облегчением кивнула Мария Ивановна, зная, что староста никогда не подведет. Саша встала из-за парты, разгладив несуществующие складки на юбке.— Цикл «Темные аллеи» — это не просто сборник рассказов о любви, — начала она четко поставленным, академическим голосом. — Бунин исследует любовь как кратковременную вспышку, как катастрофу, которая ломает человеческие судьбы. Для его героев истинная, абсолютная любовь несовместима с бытом, браком и длительными отношениями. Она всегда трагична и всегда обречена. Это чувство — вспышка, оставляющее после себя лишь выжженную землю и светлую, но горькую тоску по невозвратному прошлому. Она говорила безупречно. Каждое слово было

выверено, каждая мысль логично вытекала из предыдущей. Она могла бы процитировать критиков наизусть. Мария Ивановна одобрительно кивала, готовясь поставить в журнал первую в этом году заслуженную пятерку.— Прекрасный, исчерпывающий анализ, Александра. Как всегда, глубоко и по существу, — улыбнулась учительница. — Есть ли у кого-то дополнения? Или кто-то хочет поспорить с позицией Александры? Никто спорить не собирался. Все хотели поскорее дожить до перемены. Саша уже собиралась сесть на место с чувством выполненного долга, когда рядом раздался ленивый, тягучий голос:— А мне кажется, Соколова упускает главное. В классе снова стало неестественно тихо. Саша замерла на полпути к стулу. Она медленно повернула голову. Илья Романов сидел, откинувшись назад, крутя в руках колпачок от ручки. Его взгляд был устремлен не на учительницу, а прямо на Сашу.— Вот как? — Мария Ивановна с интересом посмотрела на спортсмена. — И что же упускает Александра, Илья? Илья пожал плечами, не меняя расслабленной позы.— Соколова рассуждает о Бунине, как математик о теореме Пифагора. Формулы, структуры, выжженная земля, — медленно произнес он, и в его голосе не было привычного сарказма. — Бунин писал не о катастрофе. Он писал о том, что люди сами трусы. Герои «Темных аллея» страдают не потому, что любовь несовместима с жизнью. Они страдают, потому что им не хватает смелости бороться за тех, кого они любят.

Они боятся осуждения общества, разницы в статусе, боятся потерять свой привычный, уютный комфорт. Им проще сбежать, назвать это «трагической судьбой», а потом всю жизнь картинно страдать в одиночестве. Это не трагедия рока. Это трагедия обыкновенной человеческой трусости. Саша смотрела на него, приоткрыв рот. Она ожидала от него чего угодно: глупой шутки, попытки сорвать урок, провокации. Но услышать глубокий, абсолютно нестандартный и очень личный анализ произведения от парня, который, как она была уверена, читал только этикетки на протеиновых батончиках? Это было сродни удару молнии. В классе стояла тишина, нарушаемая лишь гулом машин за окном. — Очень... нестандартный и смелый взгляд, Романов, — задумчиво произнесла Мария Ивановна, поправляя очки. — Обвинить героев Бунина в малодушии — это сильный тезис. Александра, что скажешь? Готова парировать? Саша сглотнула. Все взгляды снова обратились к ней. Она чувствовала, как горят щеки. Илья смотрел на нее с легким, почти незаметным вызовом. В его светлых глазах плясали искры. Он бросил ей интеллектуальную перчатку прямо при всем классе. — Я... я считаю, что Романов судит слишком современными, максималистскими мерками, — быстро нашлась Саша, ее голос снова обрел стальную твердость. — Нельзя забывать об историческом контексте. Классовые предрассудки того времени были не просто страхами, это были непреодолимые социальные

барьеры. Обвинять дворянина в том, что он не женился на крестьянке — это игнорировать реалии девятнадцатого века. Бунин показывает именно социальную обреченность. — Социальные барьеры — это просто удобная отговорка для тех, кто боится взять ответственность за свой выбор, — парировал Илья, не повышая голоса, но каждое его слово попадало точно в цель. — Если ты кого-то по-настоящему любишь, тебе плевать, какие там барьеры. А если ты ищешь оправдания в контексте эпохи, значит, ты просто слабак. И Бунин презирал своих героев за эту слабость, даже если сам этого не осознавал. Они смотрели друг на друга в упор, не моргая. Их взгляды скрестились, словно два клинка. Воздух между ними искрил от напряжения. Класс затаил дыхание, наблюдая за этим словесным поединком двух абсолютных противоположностей. Прозвеневший звонок разорвал это напряжение, как туго натянутую струну. Все вздрогнули. — Блестящая дискуссия! Просто блестящая! — радостно хлопнула в ладоши Мария Ивановна. — Соколова, Романов — обоим пятерки. Прекрасное начало года. Урок окончен. Саша резко опустилась на свой стул, чувствуя, как мелко дрожат руки. Она начала быстро, почти агрессивно собирать свои конспекты в рюкзак. Илья, наоборот, никуда не торопился. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и наблюдал за ее суетой с легкой, уже привычной полуулыбкой. — Не ожидал, что ты так легко закипаешь, Соколова, — тихо произнес он, когда

класс почти опустел. — Я думал, у отличниц нервы из титана. Саша замерла, сжимая в руках томик Бунина. Она медленно повернулась к нему. Расстояние между ними было непозволительно маленьким. — Ты не читал «Темные аллеи», — уверенно, холодно заявила она. — Ты просто где-то прочитал критическую статью или посмотрел ролик в интернете. Ты не способен на такие выводы, Романов. Это не твой уровень. Илья усмехнулся, но улыбка не коснулась его глаз. В них мелькнуло что-то холодное и жесткое. — Ты так в этом уверена? — он чуть склонил голову. — Тебе так нравится думать, что мир делится на умных отличниц и тупых спортсменов? Это упрощает тебе жизнь, да? Все разложено по полочкам, как твои цветные маркеры. Никаких сюрпризов. — Мой мир делится на тех, кто работает ради своего будущего, и тех, кто выезжает за счет смазливой физиономии и спортивных льгот, — отрезала Саша, закидывая рюкзак на плечо. — И я не позволю тебе превратить мой последний учебный год в балаган. Держись на своей половине парты, Романов. — Как скажешь, Ваше Высочество, — развел руками Илья. — Только смотри, не задохнись в своем идеальном мире. Там иногда не хватает кислорода. Саша круто развернулась и быстрым шагом вышла из кабинета, чувствуя спиной его тяжелый, немигающий взгляд. В коридоре царил обычный школьный хаос. Младшеклассники носились с криками, старшие кучковались у подоконников, обсуждая планы на

вечер. Саша шла сквозь толпу, не замечая никого вокруг. Внутри у нее все кипело. Илья Романов умудрился вывести ее из равновесия дважды за первые три часа учебы. Он оказался не просто глупым спортсменом. Он оказался умным, наблюдательным и острым на язык противником. А это значило, что война, которая длилась между ними с начальной школы, в этом году переходит на совершенно новый, гораздо более опасный уровень. Саша сжала кулаки. Что ж. Она никогда не боялась конкуренции. Если Романов хочет поиграть в интеллектуальные игры, она покажет ему, кто здесь устанавливает правила. Этот год будет принадлежать ей, и никакие капитаны школьных сборных с льдистыми глазами и неожиданными философскими выводами ей не помешают. Школьный коридор гудел, как растревоженный улей. Саша Соколова пробиралась сквозь плотную толпу старшеклассников, чувствуя, как внутри всё дрожит от едва сдерживаемого гнева и адреналина после стычки на уроке литературы. Ей срочно, жизненно необходимо было побыть одной. Скрыться от чужих глаз, перевести дух и вернуть себе то самое холодное, расчетливое спокойствие, которое всегда было ее главным оружием. Она свернула в неприметный боковой коридор старого крыла здания, куда редко заходили ученики. Здесь пахло пылью и старой штукатуркой. В самом конце коридора находилась узкая металлическая лестница, ведущая к техническому выходу на крышу. Дверь туда по правилам пожарной

безопасности должна была быть заперта на амбарный замок, но завхоз, пожилой и добродушный Петр Ильич, часто оставлял ее открытой, чтобы проветривать чердак. Для Саши это место еще с девятого класса стало тайным убежищем. Тяжелая металлическая дверь поддавалась с тихим скрипом. Саша шагнула через высокий порог и оказалась на плоской, залитой солнцем крыше гимназии, покрытой темным рубероидом. Теплый сентябрьский ветер мгновенно растрепал ее идеально уложенные волосы, но ей было все равно. Отсюда, с высоты четвертого этажа, открывался потрясающий вид на весь район: на зеленые кроны старых тополей, на лабиринт улиц и блестящие вдали купола церквей. Городской шум доносился сюда лишь приглушенным, неясным гулом. Саша подошла к невысокому парапету, бросила свой тяжелый рюкзак прямо на рубероид и присела рядом, прислонившись спиной к теплому кирпичу вентиляционной трубы. Она закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов, стараясь выровнять пульс. Этот Антон Власов... Как же он ее бесил! Самовлюбленный, эгоистичный, невыносимый. Он специально провоцировал ее на каждом шагу, словно задался целью разрушить ее идеальный выпускной год. Чтобы отвлечься от навязчивых, злых мыслей, она достала из кармана смартфон и открыла свое любимое приложение. Эта словесная игра-головоломка, где нужно было составлять слова из предложенных букв, соединяя их линиями,

всегда действовала на нее как лучшее успокоительное. Поиск правильных комбинаций требовал концентрации и заставлял мозг переключиться с эмоций на логику. Саша быстро прошла пару уровней, угадав слова «карета», «ракета» и «катер», и почувствовала, как напряжение в плечах начинает понемногу отпускать. Но ее уединение было недолгим. Металлическая дверь позади нее вдруг издала протяжный, режущий слух скрип. Саша вздрогнула и резко обернулась, едва не выронив телефон. На крышу вышел Антон Власов. Тот самый Антон Власов, капитан команды и головная боль всей ее школьной жизни. Он остановился у порога, щурясь от яркого солнца. На нем по-прежнему была та самая наброшенная на плечи спортивная куртка. Заметив Сашу, сидящую у парапета, он на секунду замер, словно сам не ожидал ее здесь увидеть. Но затем его губы привычно изогнулись в легкой, ироничной полуулыбке.— Надо же. А я думал, это только мое секретное место,— произнес он, неторопливо направляясь к ней.— Что, Ваше Высочество, сбежала от простолюдинов подышать горным воздухом?— Власов, что ты здесь делаешь? — Саша мгновенно подобралась, убрав телефон в карман и поднимаясь на ноги. Вся ее расслабленность испарилась в ту же секунду. — Тебе мало было испортить мне урок литературы? Решил преследовать меня по всей школе?— Больно надо, — фыркнул Антон. Он подошел к краю крыши, оперся обеими руками о парапет в паре метров от нее

и посмотрел вниз, на школьный двор. — Я просто искал место, где нет учителей, фанаток и дурацких разговоров о ЕГЭ. У меня от этого шума уже голова раскалывается. Саша скрестила руки на груди, недоверчиво разглядывая его профиль. Ветер трепал его русые волосы. — Ой, только не строй из себя уставшего от славы героя, — едко заметила она. — Тебе же нравится все это внимание. Нравится быть в центре. Тебе сейчас вообще не о тишине нужно думать. Тебе нужно думать о том, как не вылететь со своих сборов. У тебя же на носу Всероссийские соревнования. Отец с тебя три шкуры спустит, если ты не принесешь очередное золото. Или ты забыл, что тебе нужно пахать в воде от заката до рассвета? Антон резко повернул к ней голову. Ирония с его лица исчезла полностью, сменившись каким-то тяжелым, темным выражением, от которого Саше стало не по себе. Он оттолкнулся от парапета и сделал к ней два быстрых, порывистых шага. — Мне плевать на бассейн, — произнес он. Саша удивленно моргнула. Ей показалось, что она ослышалась. — Что? Антон глубоко, прерывисто вздохнул, словно ему не хватало воздуха. Его глаза потемнели, в них зажглась злая, отчаянная искра. — Я сказал, МНЕ ПЛЕВАТЬ НА БАССЕЙН, Соколова! — почти крикнул он, и его голос разнесся по пустой крыше. — Неужели это так сложно понять? Ты думаешь, я мечтаю плавать туда-сюда, как заведенная машина? Думаешь, я просыпаюсь с мыслью о хлорке и мокрых плавках? Я

ненавижу эту воду! Ненавижу эти тренировки, секундомеры, свистки тренера и эти бесконечные ожидания, что я должен быть лучшим! Он провел рукой по волосам, тяжело дыша. Саша стояла, приоткрыв рот, совершенно сбита с толку этой внезапной, яростной вспышкой откровенности. Куда делся тот вальяжный, самоуверенный парень?— Но... но ты же кандидат в мастера спорта. У тебя медали, кубки, стипендия... — неуверенно пробормотала она, чувствуя, как рушится ее привычная картина мира.— У моего отца кубки и медали, Саша, — горько усмехнулся Антон, и эта усмешка была наполнена такой болью, что у нее защемило сердце. — Это его амбиции, а не мои. Это он решил, что я должен стать олимпийским чемпионом, потому что сам когда-то не смог из-за травмы. А я... я просто хочу, чтобы от меня отстали. Хочу жить своей жизнью, а не отрабатывать чужие нереализованные мечты. Он отвернулся от нее и снова посмотрел на город, ссутулив свои широкие плечи. Ветер казался теперь не теплым, а холодным.— Я устал притворяться, — тихо, почти шепотом добавил он. — Я сейчас хочу только одного. Вернуться домой, закрыть за собой дверь и чтобы меня встретила моя собака. Знаешь, у меня дома живет Эффи. Кавалер-кинг-чарльз-спаниель. Маленькая, лопоухая и абсолютно бестолковая. Но она единственная в этом мире, кто радуется мне просто потому, что я пришел. Ей плевать на мои оценки, на мои секунды на стометровке и на мои медали. Она

просто любит меня. А здесь... здесь всем что-то от меня нужно. Саша стояла неподвижно, не в силах произнести ни слова. Образ Антона Власова — высокомерного спортсмена и любимца публики — рассыпался на мелкие осколки, как разбитое зеркало. Перед ней стоял уставший, запутавшийся парень, который любил свою Эффи больше всего на свете и отчаянно нуждался в простом человеческом понимании. Она сделала неуверенный шаг вперед. Впервые за все годы их знакомства ей захотелось не уколоть его в ответ, не доказать свое превосходство, а просто положить руку ему на плечо. Но в этот момент снизу, со двора гимназии, донесся резкий, пронзительный звонок на урок. Большая перемена закончилась. Антон вздрогнул, словно очнувшись от наваждения. Он моргнул, выпрямил спину и снова натянул на лицо свою привычную, непроницаемую маску легкого безразличия. Только глаза выдавали его — они оставались темными и грустными. — Ладно. Антракт окончен, — бросил он, не глядя на нее. — Пора возвращаться в реальный мир, Соколова. Нас ждут великие дела и новые победы во имя школы. Он развернулся и быстро зашагал к двери на чердак. Саша проводила его взглядом, чувствуя, как внутри зарождается совершенно новое, незнакомое чувство. Она медленно подняла свой рюкзак, еще раз посмотрела на бескрайнее осеннее небо над городом и пошла следом за ним. Этот одиннадцатый класс точно не будет таким, как она планировала. И, кажется,

Антон Власов — это самая сложная головоломка, которую ей предстоит разгадать в этом году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.